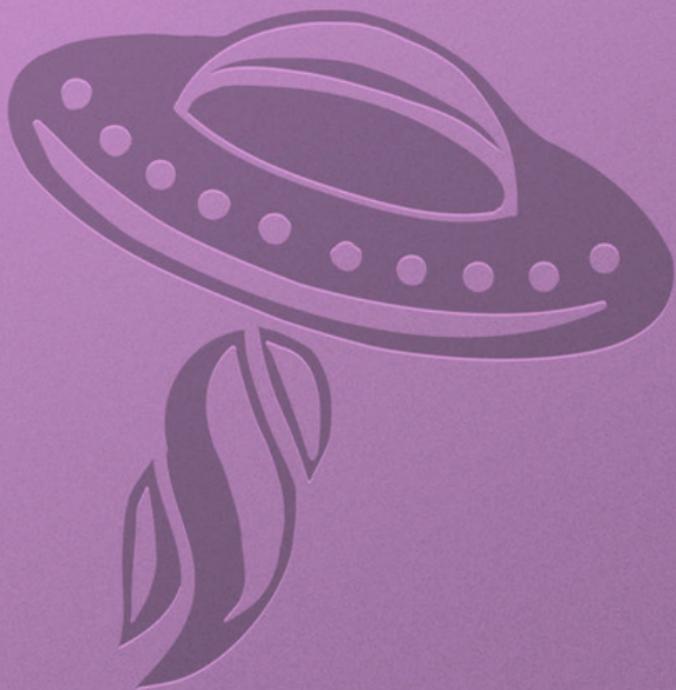

Святослав Логинов

Землепашец

Святослав Логинов
Землепашец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153640

Святослав Логинов

Землепашец

– Ой мороз, мороз, – не морозь меня!
Не морозь меня, моего коня!..

На Земландии стоял прохладный сезон. Даже на солнце-пёке температура не поднималась выше двадцати пяти по Цельсию. Вот летом будет жарко, а сейчас – благодать. Жаль морозы тут бывают только в песне. И кони тоже, только в песне, не прижились кони в этих местах.

– Моего коня-а... белогривого!..

Диковинное существо, на котором скакал Сагит, называлось копытень и напоминало никак не коня, а скорее барана-переростка. Волны грязно-жёлтой шерсти, крутые рога, за которые удобно держаться во время скачки, даже подобие курдюка, трясущееся сзади – роднили копытня с овцами. Но если взглянуть на морду... Четыре узких глаза, защищённых от попадания мошки, но дающие круговой обзор – подобного ни у какого барана не сыскать. А ещё пасть, здоровенная, бегемоту впору, перегороженная решёткой тонких роговых пластинок, заменяющих копытню зубы. Как и все крупные животные на Земландии, копытень был насекомоядным

и даже на бегу не переставал кормиться. Рои гнуса, тучи белых бабочек, облака мошкары исчезали в бездонной глотке. Чем быстрее мчится копытень, тем больше достанется ему порхающих харчей, а что на спине сидит человек, так на это копытню наплевать.

Скакун приостановился и сплюнул комок непереваренного хитина.

– Но!.. – поторопил Сагит.

До посадочной площадки оставалось почти двадцать минут хорошего хода. Копытень разинул ртище и припустил рысью.

Посадочная площадка, выстроенная ещё первопоселенцами, располагалась на вершине крутого холма, где ветер, по задумке строителей, должен был сносить кровососущих насекомых. Осенью здесь и в самом деле легче дышалось, а в иное время заметной разницы не было.

Сагит спрыгнул на землю и отпустил копытня, хлопнув его ладонью по мохнатому боку. Целый выводок моли взлетел от хлопка и закружил вокруг зверя. Сагит недовольно поджал губы: опять вся шерсть будет испорчена, ничего не удастся состричь...

Копытень, почуяв волю, распахнул пасть и помчал пастись в комариную низинку, где было больше кормов. Сагит подошёл к флаеру, заперся в кабине, задал машине курс и лишь потом стащил с лица москитную маску. В кабине было прохладно и пахло репеллентами. Флаер поднялся в воздух и,

набирая скорость, полетел с сторону океана. Лететь предстояло на материк, где располагалась биостанция и центральная сельскохозяйственная усадьба.

Континент встретил Сагита сотообразными шестиугольниками распаханых полей. Пахота была в разгаре, а сев куда не начинался, так что поля казались с высоты серыми проплешинами. Однако, тому, кто понимает, открывалась совсем иная картина. Не было во вселенной чернозёмов плодороднее земландских и не было места, где бы урожай давался с таким трудом и издержками. Зерно ещё лежит в почве, а червец и нематода, кузька и хлебная моль уже портят его. И едва под жарким солнцем проклюнутся первые ростки, как начнётся небывалый жор, пиршество тлей и гусениц, всевозможных личинок, нимф и имаго. Земландия – планета насекомых, и уж вредители постараются, чтобы никто кроме них не собрал здесь урожая.

На полях континента борьба с насекомыми была поставлена на широкую ногу. В каждом узле, где края шестиугольников соприкасались вершинами, возвышались башенки излучателей, которые должны отпугивать и убивать зерноядных вредителей. Поговаривали, что инсектициды, строго запрещённые к применению потихонечку распылялись на здешних полях. Ничто не помогало, жадные инсекты сжирали девяносто процентов будущего урожая.

Местные растения с горем пополам сопротивлялись нашествию вредителей. В любой травинке собирался такой

комплекс ядов, что воинственный индеец умер бы от стыда за своё кураре. Смолка и латекс заливали гусениц и травоядных клещей, галлы превращались в гробницы для неловко отложенной кладки, росянки мстили листорезам, напоминая, что не только насекомые едят траву, но и трава порой питается насекомыми.

Удивительным образом сами насекомые не враждовали друг с другом. Не было на Земландии хищных клопов, не роились осы, божьи коровки не уничтожали тлей, карапузики не пожирали чужие личинки. Впрочем, как сказал мудрый итальянец Сандро Торричелли: «Природа не терпит пустоты». Все крупные земландские животные были насекомоядными. Гигантские муравьеды и склизкие жабы, кроты и землеройки, буравящие чернозём, слепая червяга и зоркий осоед. Спасаясь от комаров и москитов, они одевались в густую шерсть и перья или покрывались липкой слизью, но упорно следовали за своими вкусными врагами. Тучи птиц пиروвали, словно розовый дрозд во время нашествия саранчи. Яды, которыми насквозь пропитались насекомые, ничуть не вредили хищникам.

Насекомыми питались и звери, подобных которым нигде во вселенной больше не встречалось. Только здесь зверюга размером со слона могла прокормиться москитами. Разумеется, уникальный животный мир Земландии находился под строгой защитой, что ещё больше затрудняло земледелие.

Так и получилось, что зерно, собранное на тучных пажии-

тях Земландии, по себестоимости превосходило изысканные фрукты Эдемии, а по качеству уступало тому убожеству, что собиралось на рекультивированных делянках старой Земли. Годи́лось оно только для технических целей, ибо никто не мог гарантировать, что вместе с зерном не будет размоло́то ядовитое семечко земландского сорняка или бирюзовые надкрылья жука.

Один за другим разорились фермеры, соблазнённые некогда слухами о сверхъестественных чернозёмах, теперь на Земландии оставалось всего два хозяйства: принадлежащая государству центральная усадьба и ферма Сагита. Усадьба приносила огромные убытки и держалась лишь благодаря ежегодным субсидиям. А вот Сагит, судя по всему, благоденствовал и, хотя не сдавал на приёмный пункт ни единого зёрнышка, но и протекционистскими законами пользоваться не желал, говоря, что вполне может прокормить себя сам.

Конечно, это казалось подозрительным всем, а особенно инспектору по охране окружающей среды Аниэлю Гоцу.

* * *

В директорском кабинете как и во всяком помещении, где приходится бывать людям, царила прохлада и витал чуть заметный запах репеллентов. Директор хозяйства Роберт Никифоров, неулыбчивый коренастый мужчина, какие только и могут быть директорами госпредприятий, сидел в крес-

ле и изучающе разглядывал Сагита.

– Семена, говоришь? – переспросил он.

– Двенадцать тысяч тонн, – подтвердил фермер.

– Посадочный материал?

– Ну конечно... На еду я покупаю отдельно, да и сколько мне надо, на еду-то? Я же сейчас считай один, дети в институтах учатся, жена по пансионатам мотается, скучно ей в деревне.

– Это я понял, что ей скучно... Я другого не понял. Получается, что в прошлом году ты и семян не собрал, так?

– Ну, не собрал, так и что с того?

– А на кой тогда посевы расширяешь? На десять процентов, если мне глаза не изменяют.

– Ну расширяю... Что ж я за хозяин буду, если посевы не стану увеличивать? А под паром землю держать не годится. Техника есть, средства есть, значит, надо пахотный клин расширять и сеять.

– Так откуда у тебя средства, если ты и семян не собрал? То есть, откуда они у тебя, это все догадываются, но клин-то зачем наращивать?

– Я чего-то не понял, – сказал Сагит, – ты семена, что ли, продавать не хочешь?

– Как это – не хочу? Да кто ж ещё у меня купит не по бросовой цене, а для посева? Ты, можно сказать, благодетель. У меня в хозяйстве двадцать человек трудится, так теперь все с премией будут. Мне просто любопытно, зачем это тебе? Я

бы на твоём месте пахал только для виду и сеял бы тоже для виду – песком.

– От песка сеялки портятся.

– Ну, тогда – мякиной. Хочешь, я тебе мякины продам?

Со скидкой.

– А премию пахарям с чего платить будешь?

– Это верно. Семена в ассортименте отгружать?

– Да как сказать... Половину – кукурузы, по два гороху и овса, а на остаток – ячмень и просо.

– Пшеницы чего не берёшь? У меня хорошая пшеница в этом году, хоть на мельничный комбинат сдавай.

– Что-то мне пшеница разонравилась. Не оправдывает она себя, кукуруза лучше.

– Кукуруза, значит, оправдывает? То-то ты семян в этом году не собрал... Ох, темнишь ты, друг ситный. Ну давай заявку-то, пока Римма домой не ушла, пусть оформит, а там команду выдам на склад, чтобы отгружали. Тебе ведь сразу семена нужны?

– Конечно сразу. У меня на острове посевная позже начинается, чем у тебя, но всё равно, пора за дело браться.

– Ох, темнишь ты... – повторил Никифоров, глядя как Сагит извлекает из сумки бутыль тёмного стекла и промасленный свёрток. Пряный запах мгновенно заполнил кабинет, перекрыв синтетический аромат репеллентов. – Вот он, твой заработок, а зачем тебе кукуруза, ума не приложу.

Сагит развернул свёрток и принялся нарезать тонкими

ломтиками продолговатый кусок копчёного мяса.

– Между прочим, – задумчиво сказал Никифоров, – этот балычок стоит больше чем месячная зарплата всего коллектива вместе с премиальными. Но когда Гоц поймает тебя на браконьерстве, мне даже страшно подумать, что он с тобой сделает...

Сагит поднял невинный взгляд.

– Это бастурма, – поправил он. – Балык делают из рыбы и то не из всякой. Здешние рыбы не годятся.

– Зато бюфтон на бастурму годится, – не стал спорить директор. Он осторожно взял тончайший ломтик и, закрыв глаза, надкусил. Лицо стало мечтательным и отрешённым. – Поймает тебя Аниэль – и всё, больше такого не попробуешь...

– Зачем ему меня ловить? – спросил Сагит, разливая по стаканчикам самогонку. – Я же не охочусь, только если зверь сам на моё поле влезет. А в горы я ни ногой, Аниэль уже проверял. Автопилот у моего флаера опечатан, копии маршрутов сохраняются. Я и не летаю никуда, только к тебе и на космодром.

– Я думаю, ради такого дела скупщики могут тебе и запасной флаер доставить, и потайной ангар организовать. Только учти, Аниэль тоже не лыком шит. Я слышал, он собирается над твоим ранчо спутник повесить и наблюдать, летаешь ты куда или нет.

– Знаю, – кивнул Сагит. – Этот спутник над моим домом

уже полгода висит. Только ведь если у меня потайной ангар есть, то скупщикам нетрудно и подземный ход к нему прорыть, а то и напрямик в горы. Пустить по тоннелю вагонетку, и вся недолга – проблема транспортировки туши решена. А то ведь хороший буюфтон тонны полторы весит, на флаере его не сvezёшь, грузовик нужен.

– Да ну тебя, – очнувшись возразил Никифоров, – скажешь тоже – тоннель! Как бы ты такие работы скрыл? Да и дорого это, никакие копчёности не окупят...

– Вот и я о том же, – Сагит поднялся, перевернул пустой стаканчик кверху дном. – Не занимаюсь я браконьерством, не приучен. Так что зря Аниэль старается.

– А его сейчас и в посёлке нет, – объявил Никифоров, звонко прихлопнув комара, сумевшего прорваться в кабинет сквозь все фильтры и ловушки. – Упорхнул куда-то... Флаер взял одноместный, на таком через океан не полетишь, так что – не к тебе. Хотя, если подумать, сколько того океану, можно и на одноместном перелететь...

– Я и это знаю, – Сагит кивнул головой. – Могу даже сказать, куда Аниэль отправился. По ущельям буюфтонов выслеживать. У них гон скоро, так он фильм хочет снять для Зоологического общества.

– Всё-то ты знаешь... – Никифоров неодобрительно покачал головой.

– Он за мной следит, а мне за ним – нельзя? – поинтересовался Сагит. – Только с фильмом у него не получится, зря

зверей распугает. Знаешь, что случится, если в ущелье среди бюфтонов паника начнётся? Туда только сунься, беды не оберёшься. Они флаера как чумы боятся. А если без машины, пешим ходом, то и самого затоптать могут.

– А ты как же?

– Я в ущелья не хожу, – отрезал Сагит. – Заповедник. И Гоца если поймаю у себя на острове хотя бы в предгорьях – шкуру спущу. Хочет, пусть по Зейскому хребту лазает, там и без того бюфтонов, почитай, не осталось, тысяч пять от силы.

Никифоров тоже поднялся, звонко шлёпнул себе по виску, размазав очередного спикировавшего комара, и, уходя от скользкой темы, сказал:

– Сегодня Римма на завтрак яичницу приготовила, глазунью, так я подхожу к столу и вижу, как комар на неё кидается. Возле желтка пристроился, хоботок запустил и давай сосать. Раздулся, что бомбовоз, только брюшко не красное, а жёлтое. Едва улетел. Я так удивился, что даже бить его не стал.

– Запросто, – согласился Сагит. – Если глазунья тёплая, так он мог броситься, а там, как распробовал, что чистый белок сосёт, так его уже и не оторвать.

Сагит отшагнул в немного в сторону, Никифоров, понимая, что беседа окончена и откровенности ему не дожидаться, поднял трубку внутренней связи, выслушал, что ему сказали и сообщил ждущему фермеру:

– Там уже отгружают. Спасибо тебе за беседу...

Сагит попрощался и вышел, деликатно забыв на столе промасленный свёрток.

* * *

Брошенный в лощинке копытень хозяина не дождался. Это было по меньшей мере странно, ездовой зверь был отлично вышколен, да и просто никуда не должен был исчезнуть из таких кормных мест... Сагит повертел головой, достал ультразвуковой манок и неслышно свистнул. Манок, разумеется, был устроен так, чтобы в него не приходилось дуть, ибо скинуть здесь маску, гордо именовавшуюся накомарником, мог лишь очень мазохистски настроенный человек.

Сагит маленько подождал и уже хотел засвистать вновь, как за холмом раздался упругий топот и копытень вылетел на вершину. Он вскидывал задом, тряс головой и, вообще, вёл себя ненормально.

– Бень-бень-бень! – призывно закричал Сагит, спешно вытаскивая аптечку, флакон репеллента и небольшой баллончик явно кустарного производства.

Стоило копытню приостановиться, как жужжащее, стрекочущее, колышущееся облако окутало его голову. Копытень взмекнул, выделявая дурные курбеты. Сагит поднял аэрозольный баллончик и плавно повёл убийственной струёй. Сшибленный гнус посыпался траурными хлопьями. Такого рода инсектициды были строжайше запрещены на Зем-

ландии, однако, каждый, выходящий из-под купола, имел при себе запретный аэрозоль. А иначе, случись что с комбинезоном, – заедят в пять минут. Жизни Сагита ничто не угрожало, но и отдавать на съедение любимую животину фермер не собирался.

Беглого взгляда хватило, чтобы понять, в чём дело. Круглое, похожее на шерстяной колтун ухо копытня было в крови. Привлечённая желанным запахом недавняя добыча теперь ринулась запасаться кровью. Ещё бы немного и пищащая напасть зажрала бы насекомоядного насмерть. Сагит подоспел вовремя.

Обрабатывать рану на открытом воздухе было бы безумием, так что Сагит лишь фыркнул на ранку быстро схватывающимся клеем, вскочил в седло и погнал к дому. Песен петь не хотелось.

Теперь ещё придётся разбираться со складами, объяснять, почему сорвал график поездок. Беда невелика, но Никифоровская Римма, заправлявшая на складах фактории умела зудеть не хуже ночного комара.

К усадьбе доскакали за сорок минут. Там Сагит загнал копытня под крышу и смог, наконец рассмотреть странную рану.

Вообще, копытень так густо покрыт шерстью, что ни одно здравомыслящее насекомое не может добраться до кожи. И не стригут, конечно копытня никогда, а лишь вычёсывают в период линьки. Стригалия с ножницами копытень, поди и не

подпустит. Но ежели вдруг появится на укутанном теле хоть небольшая кровящая ранка, то зверь обречён: всё, что есть в округе кровососущего, потерявши всякую осторожность, рванётся на сладкий запах подранка. А тут, вдруг – ухо порвано! – самое уязвимое место... и как только угораздило?

Сагит внимательно осмотрел ранку и почти сразу сыскал причину. Крошечный, чуть более булавочной головки паучок сидел, вцепившись в кожу широко раскинутыми металлическими лапками. Настоящий клещ ни за что не пробился бы сквозь здоровую шерсть к телу, а этот был механическим и с лёгкостью простриг дорогу туда, где смог укорениться. К сожалению, конструктор электронного шпиона не принял во внимание, что копытень, почувствовав укол начнёт драть и тереть поражённое место, открыв тем самым путь для настоящих врагов.

Сагит вырвал жучок из раны, внимательно осмотрел. Да, это не просто маяк, это настоящий шпион, умеющий не только подслушивать во всех диапазонах, но и подсматривать. Так что вовсе не копытень нарушил свою защиту, а кибершпион, обустроивая сектор обзора, выстриг всю шерсть на кончике уха. А ведь должен был тот, кто подкинул жучка, понимать, что на живом эта пакость не усидит. О моральной стороне дела лучше и не вспоминать.

Сагит скорбно поджал губы. Вот они, исполнители законов! Нетрудно догадаться, кто здесь похозяйничал: даже тавро АГ, выжженное на боку копытня, не было бы столь явной

уликой. Что же, Аниэль Гоц, вот на какие съёмки ты летал? Теперь жди ответных санкций...

Сагит вызвал центральную усадьбу и принялся объяснять разгневанной Римме, почему не прислал вовремя грузовой флаер. О жучке он предусмотрительно умолчал.

* * *

Аниэль Гоц привычно задержал дыхание, потом резко выдохнул и в самый момент выдоха переменял фильтр. Несложная эта операция занимала долю секунды, но всё же десяток мошек успел проскользнуть под маску. Одна немедленно впилась в уголок рта. Руками, затянутыми в плотные перчатки, Гоц принялся обжимать маску, стараясь раздавить кровососов. Потом, когда маску удастся снять, всё лицо окажется в разводах и пятнах от размазанной мошки и комаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.